

И.Е.Рыбалкин

О моих чилийских друзьях-товарищах

В 2013 г. исполняется 40 лет со времени военного переворота в Чили, положившего конец «социалистическому эксперименту» правительства президента Сальвадора Альенде. Читателю представлены воспоминания человека, в течение 50 лет занимавшегося связями между нашей страной и Чили, тесно общавшегося с людьми, которые сыграли существенную роль в судьбах своей родины как до, так и после переворота, добиваясь ее развития по демократическому пути.

Ключевые слова: Чили, демократия, диктатура, впечатления об участниках политического процесса.

Несколько лет назад, кажется, в начале 2000-х годов, я стал писать воспоминания о своей жизни не для публикации, а для сыновей, чтобы знали, чем занимался их отец. Воспоминания охватывают работу в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, затем с 1961 г. в Международном отделе ЦК КПСС, потом в посольстве СССР/России в Чили и после выхода на пенсию в 1993 г. в представительства чилийских фирм в Москве и в издательстве «Международные отношения». За эти годы много раз довелось побывать в Чили и Боливии, на Кубе и не так много в других странах (Мексике, Аргентине, Перу, Коста-Рике, Гватемале, Никарагуа, Гондурасе, Эквадоре и даже Парагвае), общаться с нашими видными государственными деятелями (Хрущев, Косыгин, Кириленко, Горбачев, Черненко, Суслов, Пономарев, Рашидов, Соломенцев, Алиев и, конечно, Брежнев) и лидерами Кубы, Чили, Боливии, Мексики, Перу.

Главным моим делом было участие в развитии отношений с Чили. Теперь, на склоне лет, а родился я в 1929 г., захотелось рассказать о чилийских друзьях, которые стали существенной частью моей жизни. С теми из них, кто остался в живых, я связывался по электронной почте, чтобы сделать повествование более точным.

Мои герои — деятели прогрессивно настроенные, посвятившие себя демократическому развитию страны, входившие в руководство коммуни-

Игорь Евгеньевич Рыбалкин — кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посланник 1-го класса в отставке, автор работ по новейшей истории ряда стран Латинской Америки (igryb@mail.ru).

1976 г. Москва, Кремль. Слева направо: Л.Корвалан, И.Рыбалкин, Л.Брежнев

стической, социалистической и других левых партий и сыгравшие видную роль в истории своей родины новейшего времени.

Поскольку речь идет о деятелях периода, предшествовавшего победе Сальвадора Альенде на президентских выборах 1970 г. и приходу к власти правительства Народного единства (Unidad Popular, UP), а также о времени после сентябрьского военного переворота 1973 г. и борьбе за устранение диктаторского режима, хотелось бы остановиться на социально-политической эволюции Чили тех лет, развитии демократического движения в противоборстве с его врагами. Это не была поступательная демократизация жизни страны. Она наталкивалась на серьезные препятствия, расширяя свою сферу и отступая.

Важной вехой на этом пути стало создание в 1936 г. в противовес политике правительства Алессандри, шедшего на установление связей с нацистской Германией, Народного фронта в составе радикальной, социалистической и коммунистической партий, к которым примкнула Конфедерация трудящихся Чили. Кандидат Народного фронта Агирре Серда победил на президентских выборах 1938 г. Его правительство (1938—1941) расширило демократические свободы, приняло меры против профашистских группировок, создало Корпорацию развития производства (Corporación del Fomento, CORFO), ставшую основой государственного сектора экономики.

После смерти Серды в 1941 г. президентский пост занял кандидат широкой коалиции Демократический альянс Хуан Антонио Риос Моралес (1942—1946), продолживший курс Народного фронта.

На президентских выборах 1946 г. победу одержал кандидат Демократического альянса Габриэль Гонсалес Видела. В его правительстве участвовали три министра от Коммунистической партии Чили (Partido Comunista de Chile, PCCh), но под давлением правых сил и правящих кругов США он удалил коммунистов из правительства и разорвал дипломатические отношения с СССР, мотивируя это «высокими национальными интересами» и утверждая, что по его конфиденциальной информации через три месяца вспыхнет третья мировая война. Настоящей же причиной было желание Вашингтона предотвратить «нарастание угрозы коммунизма», так как на муниципальных выборах 1947 г. PCCh получила 91 тыс. голосов по сравнению с 32 тыс. в 1944 г., а вместе с кандидатами PCCh, включенными в списки радикальной партии, — 127 тыс. Поэтому, мол, чтобы избежать давления США, пусть коммунисты добровольно уйдут из правительства, а Видела будет выполнять обещанную программу. Вместо этого президент обрушил репрессии на левых профсоюзных и политических руководителей вплоть до заключения их в концлагеря. В народе его стали называть «предателем», а принятый при нем «Закон о постоянной защите демократии», запрещавший деятельность компартии, «проклятым». Этот акт был отменен лишь в 1958 г.¹

В 1964 г. президентом был избран кандидат христианско-демократической партии (Partido Demócrata Cristiano, PDC) Эдуардо Фрей Монтальва, провозгласивший лозунг «революции в условиях свободы», означавший проведение реформ вместо настоящих революционных преобразований. В числе слагаемых его политики были так называемая чилинизация крупных горнорудных и коммунальных предприятий, контролируемых иностранным, преимущественно американским, капиталом, а также осуществление «глубокой» земельной реформы.

«Чилинизация» проводилась на основе, предложенной американской компанией «Кеннекот коппер». Чили предоставлялось большинство акций ее рудников за компенсацию, которая обычно превышала их номинальную стоимость. При этом контроль за операциями оставался в руках компании. Другая американская фирма «Анаконда» сначала поартачилась, но с ростом цены на медь во время вьетнамской войны согласилась с условиями «Кеннекот», получившими название «национализация по договоренности». Обе компании посредством заключения контрактов на управление и продажу продукции продолжали сохранять свои позиции. Хотя Чили владела большей частью акций, она не могла распоряжаться своей медью.

Аграрная реформа преследовала цель снизить накал борьбы земледельцев за свои права путем ликвидации чрезмерно больших поместий, передачи земли в собственность некоторой части крестьян. По закону помещикам полагалась компенсация наличными и облигациями в течение 25 лет. На экспроприированных землях создавались землеустроительные объединения типа кооперативов — «асентамьенто», управляемые их членами и правительственной «Корпорацией аграрной реформы» (Corporación de Reforma Agraria, CORA).

При осуществлении реформы правительство Фрея столкнулось с сопротивлением крупных землевладельцев. В результате к концу его пребывания

у власти были экспроприированы лишь 1408 поместий, т.е. только треть подлежащих экспроприации. Из планировавшихся для поселения в «асентамьенто» 100 тыс. семей были поселены лишь 32 тыс.².

Итоги деятельности правительства христианских демократов вызвали разочарование значительной части чилийцев, упал престиж правящей партии. От нее стали отпочковываться диссидентские течения, присоединяясь к возникшей коалиции левых сил — блоку Народное единство (UP), ядром которого стали Социалистическая партия Чили (Partido Socialista de Chile, PSCh) и PCCh, расширившие свой электорат в конце 60-х годов: PSCh с 10,6 % на парламентских выборах 1965 г. до 12,8% в 1969 г., а PCCh с 12,7% до 16,6% в те же годы³. Показательно, что влияние PCCh росло быстрее, чем PSCh. Сказывалась более здравая позиция PCCh нежели левацкие тенденции в PSCh. В новую коалицию вошли также Радикальная партия (Partido Radical, PR) и Радикально-демократическая партия (Partido Radical Demócrata, PRD), две небольшие левые группировки — Независимое народное действие (Acción Popular Independiente, API) и Социал-демократическая партия (Partido Socialdemócrata, PSD). К ним присоединилось отколовшаяся в 1969 г. от PDC левая фракция Движение единого народного действия (Movimiento de Acción Popular Unitaria, MAPU).

Крах реформистской политики правительства PDC открыл перед Народным единством возможность бороться за власть для осуществления действительно революционных преобразований на президентских выборах 1970 г. Этому благоприятствовали ослабление PDC, не сумевшей остановить революционный процесс, наличие опытного лидера — социалиста Сальвадора Альенде, участвовавшего в избирательной президентской кампании в четвертый раз с 1952 г., а также достаточно детально разработанной программы действий.

На состоявшихся 4 сентября 1970 г. выборах за Альенде проголосовали 36,3 % избирателей, за представителя промышленно-финансовых кругов Алессандри — 34,9% и за кандидата PDC Томича — 27,8%⁴. Альенде получил лишь относительное большинство, хотя и меньше, чем в 1964 г. (38,9%). По действовавшей конституции в этом случае конгресс должен был выбирать президента из двух кандидатов, набравших наибольшее количество голосов. Христианские демократы, от которых прежде всего зависело голосование, согласились поддержать Альенде в обмен на подписание так называемого Статута конституционных гарантий, ограничивавшего власть будущего правительства, но открывавшего возможность сотрудничества левых с умеренными политическими силами. После этого за Альенде проголосовали более ¾ парламентариев. 24 октября он был провозглашен президентом Чили.

Таким образом Альенде пришел к власти через выборы конституционным путем. Но Народное единство не располагало большинством в парламенте, что не гарантировало стабильность его власти и сказалось на последующих событиях, став фактором, способствовавшим военному перевороту 1973 г.

Альенде был последовательным сторонником осуществления «чилийской модели» продвижения страны к социализму, не сопряженной с вооруженной борьбой или острыми формами насилия. Он говорил: «Чили открывает путь, по которому могут пойти другие народы Латинской Америки и мира. Жизненная сила единства сметет диктатуры и откроет путь к освобождению народов, к строительству такой жизни, которую они выберут для себя»⁵.

1972 г. Национальный стадион в Сантьяго. 50-летие компартии Чили. Слева направо: министр внутренних дел Х.Тоа, С.Альенде, Л.Корвалан, А.Кириленко

Касаясь особенностей революционного процесса в Чили, президент подчеркивал, что его развитие происходило в рамках буржуазно-демократической законности, при существовании различных партий и идеологических течений, при сохранении свободы политической деятельности для сил, находящихся в оппозиции к народному правительству. Он видел в этом черты, отличавшие чилийский процесс от того, что происходило в других странах, в частности в России 1917 г., и поэтому говорил о «второй модели перехода к социализму», которую предстоит осуществить в его стране. Из высказываний, содержащихся в его первом послании пленарному заседанию Национального конгресса Чили 21 мая 1971 г., следовало, что «вторая модель» могла обойтись без установления диктатуры пролетариата, которую он рассматривал лишь как «одну из форм построения социалистического общества»⁶.

Кстати, в своей последней книге «Коммунизм и демократия» (2008 г.) Луис Корвалан вернулся к положению ленинского учения о диктатуре пролетариата. «Возможно, — писал он, — что, знакомясь с этой книгой, читатель подумает или скажет: правда, что коммунисты всегда боролись за демократию, но правда также, что они — за диктатуру пролетариата и были на стороне Советского Союза, где была диктатура и не разрешалось более одной партии. А сегодня продолжают оставаться и на стороне Кубы, где другая диктатура, также с одним политическим объединением»⁷. Отметим смелость соображения Корвалана, назвавшего существовавшие в СССР и на Кубе режимы диктатурой.

Суждения Корвалана о диктатуре пролетариата, как представляется мне, обнаруживают биеение мысли, творческий подход, не связанный с привер-

женностью прошлым жестким идеологическим схемам: диктатура одного класса при одной партии, тогда как он отстаивает многопартийность, укладывающуюся в развитие демократии.

Правительство Альенде осуществило ряд глубоких революционных преобразований в интересах народа. Учитывая огромную экономическую важность крупных предприятий по добыче медной руды — главного богатства чилийских недр, селитры, угля, железной руды, принадлежавших иностранным компаниям, оно приняло при парламентской поддержке PDC закон об их национализации. Он предусматривал компенсацию американским владельцам с учетом амортизации и «чрезмерной прибыли», вывезенной компаниями из страны. Ведя курс на укрепление государственного сектора производства, правительство Народного единства поставило под государственный контроль предприятия сталелитейной, текстильной, цементной промышленности. На оставшихся в частном секторе устанавливался рабочий контроль. Путем выкупа акций была национализирована банковская система. Государство стало контролировать внешнюю торговлю. В 1971 г. госсектор охватил 2/3 промышленной продукции. Ускоренно проводилась аграрная реформа. Экспроприации подверглись почти все поместья площадью свыше 80 га поливных или соответствующего эквивалента других земель. Крестьянам были переданы 5 млн га земли. Господству латифундизма был положен конец. Зарплата чилийцев возросла в среднем на 18%⁸. Расширилось жилищное строительство. Но по мере реализации революционных преобразований стало возрастать и противодействие оппозиционных сил. Тем не менее политика правительства Альенде была поддержана большинством трудящихся. Свидетельством этого стали муниципальные выборы в апреле 1971 г., на которых 51% избирателей отдали свои голоса партиям Народного единства. PSCh (партия Альенде) получила 22,3% голосов, PCCh — 16,9%. PDC тогда собрала 25,7%⁹.

Можно сказать, что основной политической опорой Альенде была PCCh. Анализируя роль этой партии тех лет, Луис Корвалан в своей книге не без основания утверждал: «Коммунистическая партия была главным соиздателем единства чилийских левых сил и их победы на президентских выборах 1970 г. И, кроме того, неизменно и постоянно поддерживала правительство президента Альенде»¹⁰. На мой взгляд, линия PCCh в отношении правительства была здоровой, адекватной соотношению противоборствующих в стране сил, оказывала весомое влияние.

В то же время роль собственной партии Альенде — социалистической была неоднозначна. Левацкие тенденции в PSCh создавали президенту немалые проблемы. Особенно ясно это проявилось в последние дни существования его правительства, в действиях генерального секретаря партии Карлоса Альтамирано, который на встречах с военными моряками на флотских базах в Талькауано и Вальпараисо подбивал их на мятежные выступления. 7 августа 1973 г. командование ВМФ объявило о раскрытии военного заговора во флотских экипажах. В речи перед своими сторонниками на стадионе в Сантьяго 9 сентября Альтамирано признал, что встречался с заговорщиками, и заявил: «Правых можно сокрушить только непобедимой мощью народа, солдат и сержантов, офицеров, верных существующему правительству...»¹¹. Альтамирано говорил о необходимости для этого превратить Чили «в еще один героический Вьетнам». Иначе как провокационными такие речи не назовешь.

С другой стороны, немаловажным фактором в развитии ситуации явилась позиция Вашингтона. Известен доклад сенатской комиссии Чёрча о тайных операциях США в Чили от декабря 1975 г, касающийся периода до переворота. Теперь же он дополняется удивительными по своему объему рассекреченными в соответствии с американским Законом о свободе информации (Freedom of Information Act) документами (их около 16 тыс.), в том числе и сообщениями резидентов ЦРУ и военной разведки в Чили, из которых явствует отношение сверхдержавы (США) к событиям в небольшой периферийной стране, не влияющей на соотношение сил в мировой политике. Но эта позиция вписывается в логику холодной войны, противостояния двух лагерей — империализма и социализма, когда коммунизм рассматривался американцами как главный и вездесущий враг. Отсюда — намерение воспрепятствовать возникновению наряду с Кубой еще одной латиноамериканской страны, к тому же идущей к социализму невооруженным путем. И хотя режим Пиночета не укладывался в модель «американских ценностей» и наносил урон международному престижу США, он все же был для Вашингтона предпочтительнее распространения коммунизма, олицетворявшего, по их мнению, правительство Альенде. Об этом свидетельствуют рассекреченные документы, проанализированные в обстоятельном материале, подготовленном директором Института продвинутых исследований (Instituto de Estudios Adelantados, IDEA) Чилийского университета в Сантьяго (USACH) О.Л.Ульяновой «КПЧ в американских архивах (1973—1979)¹².

Узнав на следующий день о высказываниях Альтамирано, Пиночет воспользовался этим «подарком судьбы» и объявил о переводе армии на казарменное положение. А на следующий день произошел военный переворот, не позволивший Альенде и его правительству осуществить все намеченное на пути к социализму.

Начался новый этап в истории страны — борьба за устранение военной диктатуры. На этом этапе заметную роль сыграли чилийцы — персонажи настоящих воспоминаний.

Социально-экономическая политика режима Пиночета после переворота 1973 г. характеризовалась прежде всего ликвидацией преобразований, осуществленных правительством Народного единства. В первую очередь это — денационализация промышленных предприятий, поставленных под контроль государства при Альенде. В результате многие предприятия были переданы частным владельцам, в числе которых оказались и входившие в крупные финансово-олигархические группы. Правда, Пиночет сохранил за государством главное, что национализировал Альенде, — добычу меди. Приватизация способствовала развитию частной инициативы, но не принесла разительных улучшений экономической ситуации. Крупные зарубежные инвесторы опасались приобретать предприятия в стране, где царил административный произвол и где капитал не располагал необходимыми гарантиями для экономической деятельности. Хлынувший в страну поток иностранных товаров ударил по чилийским производителям.

Важные перемены в социально-экономической политике военного режима произошли в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Они проявились в проведении ряда важных реформ, осуществление которых связано с деятельностью молодого (тогда ему было 30 лет) министра труда и социального обеспечения

(1978—1980), а затем министра горнорудной промышленности (1980—1981) экономиста «чикагской школы», разрабатывавшей применительно к Чили программу перехода к свободной рыночной экономике, выпускника Гарвардского университета Хосе Пиньеры (брата нынешнего президента Чили).

Первой реформой стал так называемый План по трудовым отношениям (Plan Laboral). Он был предложен Пиночету в сложные для правивших военных дни, когда влиятельные профсоюзные объединения США объявили бойкот торговле с Чили. Пиньера взялся за реформирование трудовых отношений в стране, рассчитывая убедить американских инициаторов бойкота отказаться от своих намерений. Он предложил на рассмотрение Пиночета план, основанный на пяти пунктах: свобода профсоюзной деятельности (присоединения к профсоюзам и их создания); демократия при принятии профсоюзами решений (выбор руководителей, присоединение к федерациям и конфедерациям, голосование о забастовках); заключение коллективных договоров на каждом предприятии; забастовки, подчиняющиеся «дисциплине рынка», без монопольного права на рабочие места; невмешательство государства в профсоюзную жизнь и в заключение коллективных договоров. Пиночет встретил эти предложения без особого энтузиазма. Ему не нравилось, что профсоюзы смогли бы прибегать к забастовкам. Он видел в этом возможность для действий политических агитаторов в целях нарушения общественного порядка и приостановки работы в стране. Тем не менее принял изложенные пункты¹³.

В конечном счете перед угрозой торгового бойкота Пиночет, при том, что Пиньера провел работу с авторитетными деятелями американского и чилийского профсоюзного движения (в том числе с оппозиционной «Группой десяти» и Мануэлем Бустосом, возглавлявшим запрещенный из-за влияния в нем коммунистов профсоюзный центр), одобрил представленный план, правда, грозя, что, если не будет прекращен бойкот экспорта чилийских товаров, он «экспортирует», т.е. отправит в изгнание оппозиционных профсоюзных руководителей¹⁴.

Благодаря усилиям Пиньеры реформа законодательства о трудовых отношениях была принята 29 июня 1979 г. Одобренный декрет-закон предусматривал: свободу деятельности профсоюзов; тайное голосование при избрании их руководителей; переговоры о коллективном соглашении между профсоюзами и работодателями на уровне компании, отрасли или в масштабах страны; право на забастовку как отказ работать, но не до ее объявления и не обязательно приводящей к прекращению производственной деятельности. Работодателям разрешалось объявлять локаут, когда не все профсоюзы участвовали в забастовке.

Естественно, что руководящие деятели партий Народного единства и даже PDC отнеслись отрицательно к плану Пиньеры, увидев в нем попытку отнять у профсоюзов прежние завоевания, «атомизировать» профсоюзное движение, поставить его в жесткие рамки. Показательно, что 10 июля, спустя несколько дней после принятия плана, один из лидеров PDC Сальдивар заявил, что план «лишает трудящихся их прав и завоеваний, означает их институционную маргинализацию, нацеленную на установление в Чили модели крайне праволиберального общества»¹⁵.

Следующей важной мерой, подготовленной Пиньерой, была законодательно одобренная 4 ноября 1980 г. реформа системы социального обеспе-

чения. Ее смысл состоял в замене существовавшей прежде системы государственного социального обеспечения частными компаниями, управляющими пенсионными фондами и занятыми инвестиционным размещением средств вкладчиков. Реформа укрепила влияние пиночетовского правительства в этой сфере, хотя и не затронула частное присвоение накоплений трудящихся. Новая система была рассчитана на трудящихся со стабильным высоким доходом, занятых в государственном или частном секторах. Пенсионные отчисления производятся работодателем в обязательном порядке в размере 10% от общего размера заработной платы работника. Эта система охватила первоначально не более 50% трудоспособного населения, причем указанная доля сокращалась¹⁶. Из существовавших вначале 20 управляющих компаний сохранились единицы. Интересно, что военные, навязавшие своим согражданам нынешнюю пенсионную модель, остались в прежней государственной системе пенсионного обеспечения.

Были сделаны также два важных изменения в здравоохранении. Во-первых, введена приватизированная система страхования, которая стала составной частью системы AFP (Administradoras de Fondos de Pensiones) — частных компаний, управляющих пенсионными фондами. Во-вторых, работникам предоставлялось право выбора между государственной системой страхования с обязательным отчислением 7% заработной платы и приобретением на свои средства минимальной страховой программы через частные «Учреждения по страхованию здравоохранения» (Institución de Salud Previsional, ISAPRE).

Реформа социального обеспечения оказала значительное влияние на экономику и общественную жизнь страны, охватив миллионы людей.

И, наконец, еще одна имевшая серьезные последствия реформа, подготовленная Пиньерой, — принятие конституционного закона о горнодобывающей промышленности от 21 января 1982 г.

После военного переворота 1973 г. власть оказалась в ситуации неопределенности с правами собственника в горнодобывающей промышленности — основной отрасли экономики страны. После успешного осуществления Плана трудовых отношений и реформы социального обеспечения Пиночет предложил Пиньере перейти с поста министра труда и социального обеспечения на пост министра горнорудной промышленности с задачей разработать проект конституционного закона, который предусматривал твердые права владельца горнорудными активами. Необходимо было создать экономическую модель, основанную на свободном рынке и частной собственности¹⁷.

В то время развернулись дискуссии о приватизации огромной государственной компании — Чилийской национальной медной корпорации (Corporación Nacional del Cobre de Chile, CODELCO), крупнейшего в мире производителя меди, работавшей на национальных месторождениях, ранее принадлежавших американским компаниям. Попытка ее приватизации вызвала бы целую бурю в стране и затруднила бы решение поставленной задачи. В такой ситуации лучшим выходом было открыть дорогу для частной добычи меди и других полезных ископаемых и позволить этой добыче вырасти до превращения в ведущую отрасль экономики, и только после этого браться за вопрос о собственности на активы CODELCO. Для развития частной горнодобывающей промышленности сначала требовалось разрешить проблему справедливой компенсации в случае экспроприации горнодобывающей концессии. В разрабатывавшемся законе горнодобывающую концессию называли «полной лицензией» с предоставлением гарантий частному инвестору при защите

национальных интересов. Согласно положениям закона защита лицензии означала защиту права собственности, права владельца свободно эксплуатировать ее, использовать ее доходы и распоряжаться ею по своему усмотрению — продать, заложить или передать по наследству. Существование и окончание права на владение «полной лицензией» до сих пор находится в руках судебной, а не законодательной или исполнительной власти.

1 декабря 1981 г. правящая хунта одобрила конституционный закон. 22 декабря он был единогласно одобрен Конституционным судом. Влияние принятого закона стало ощущаться с момента его опубликования 21 января 1982 г. и выразилось в увеличении объема геологоразведочных работ и разработки ресурсов. У главного сектора чилийской экономики появились новые возможности в инвестиционной деятельности, в разработке природных ресурсов и обеспечении занятости населения. Произошел беспрецедентный рост горнодобывающей отрасли. За последующие 20 лет производство меди в Чили увеличилось в пять раз, а частная горнорудная промышленность выросла в 16 раз, что вывело страну на первое место в мире по объемам поставок меди. Она стала также крупнейшим в мире поставщиком природных нитратов, йода и лития. Наряду с серьезными вложениями отечественных бизнесменов горнодобывающий сектор привлек 20 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. К тому же горнодобывающая отрасль стимулировала инвестиции в другие сектора экономики — энергетику, транспорт, водное и портовое хозяйство, строительство дорог и жилья, машиностроение.

В 90-х годах концессионная система лицензий распространилась на инфраструктурные отрасли (автодороги, морские и воздушные порты), ранее входившие в сферу «государственных работ». Закон способствовал безостановочному экономическому росту, составлявшему в среднем на протяжении полутора десятков лет 7% в год.

Вот это и было «экономическим чудом». Но произошло оно уже после ухода Пиночета от власти, хотя, как видим, проведенные при нем реформы впоследствии способствовали этому.

Отслеживали ли деятели чилийского демократического движения осуществлявшиеся социально-экономические реформы, влиявшие на ситуацию в экономике и общественной жизни после ухода Пиночета? Думаю, что серьезные политики не видели реальных изменений и их последствий. Сосредоточенные на борьбе за устранение военного режима, они упускали это из поля зрения, воспринимая упомянутые меры прежде всего как ликвидацию прежних завоеваний трудящихся.

Как отнеслись мои чилийские друзья-товарищи к реформам, проведенным Пиньерой, апологетом свободного рынка, господства частной собственности, противника вмешательства государства в экономику, хотя и признававшего его ограниченную «надзорную функцию»? В подавляющем большинстве — отрицательно, особенно это касается коммунистов. Для них высказаться в поддержку свободного рынка, за принижение роли государства в социально-экономической сфере означало тогда сокрушение идеологических основ, отказ от марксистского подхода, по существу предательство. В первые годы после правления Пиночета, пожалуй, лишь в

соцпартии стали обсуждаться возможности использования рыночных механизмов, но с социальной защитой, как сейчас говорится, социально ориентированной рыночной экономики. В РСCh и не заикались об этом.

Как руководство КПСС относилось к информации, поступавшей от персонажей настоящих воспоминаний, как оно на нее реагировало? Естественно, это касается периода после вступления Альенде на пост президента. В целом то была благожелательная реакция. Корвалан встречался с руководителями нашей партии при каждом приезде в СССР. До этого, в 1965 и 1972 гг., у него была встреча с членом Политбюро ЦК КПСС А.П.Кириленко, посетившим Чили по случаю XIII съезда РСCh и ее 50-летия. Корвалан был принят Л.И.Брежневым для беседы накануне официального визита Альенде в СССР в декабре 1972 г. В конце 1970 — начале 1971 г. у Брежнева были Кадематори и Мильяс*, приезжавшие для того, чтобы проинформировать о чилийской ситуации. Они изложили просьбу о предоставлении Чили кредита и получили положительный ответ.

В неоднократных беседах с представителями руководства РСCh ведущего Международным отделом ЦК КПСС, секретаря и кандидата в члены Политбюро ЦК Б.Н.Пономарева неизменно звучала тема необходимости работы в армии с напоминанием ленинских слов, что «революция должна уметь защищать себя».

У меня, переводившего эти беседы, складывалось впечатление, что наше руководство не было уверено в успехе «чилийского эксперимента» во главе с Альенде. В беседах давалось понять, что наши возможности помощи при благожелательном отношении к намерениям правительства Народного единства ограничены вовлечением СССР в антиимпериалистическое движение в других регионах (Вьетнам, Ближний Восток).

Лично же все персонажи воспоминаний стали свидетелями и получателями солидарной поддержки руководством КПСС сразу после военного переворота в Чили и на протяжении всех последующих лет их деятельности по устранению диктатуры и восстановлению демократического режима.

Представлявшаяся нами, сотрудниками международного отдела, информация по Чили на основе контактов с руководителями РСCh и других оппозиционных Пиночету сил докладывалась в записках руководству ЦК и, если в ней не предлагались какие-то конкретные решения, просто принималась к сведению.

Отмечу, что все персонажи настоящих воспоминаний сыграли важную роль в годы борьбы с военной диктатурой за демократическое развитие своей страны.

Начну с моих отношений с Генеральным секретарем ЦК Компартии Чили **Луисом Корваланом**, занимавшим этот пост с 1958 по 1989 г.

Я общался с ним начиная с марта 1962 г., когда впервые прилетел в Чили, сопровождая делегацию КПСС на XII съезде РСCh (теперь он считается XVI съездом партии, так как РСCh ведут отсчет своей истории с 4 июня

* О них расскажу ниже.

1912 г., дня создания на ее первом съезде Социалистической рабочей партии, которая на своем IV съезде в 1922 г. была переименована в Коммунистическую партию Чили).

С тех пор мне довелось поддерживать с Корваланом товарищеские, переросшие в настоящие дружеские, отношения как со старшим товарищем. В международном отделе ЦК КПСС я занимался связями с РСCh, выезжал с товарищем Лучо, как называли его соратники, с нашими партийными делегациями и неизменно встречался на XIII, XIV съездах РСCh, праздновании ее 50-летия в 1972 г., а также во время его приездов в СССР во главе делегаций РСCh на съезды КПСС и при прибытии в нашу страну по другим поводам, например, по случаю визита президента Чили Сальвadora Альенде в 1972 г. Участвовал в качестве переводчика в его неоднократных беседах с Л.И.Брежневым и другими партийными руководителями.

На мою долю выпало участвовать в обмене Корвалана на советского диссидента Буковского в декабре 1976 г. в Цюрихе. Потом мы стали часто общаться с ним и вести разговоры на разные темы у него дома в Безбожном, ныне Протопоповском переулке в Москве и в загранбюро РСCh в СССР, которое он возглавил, а иногда на предоставленной ему даче в поселке Успенское. Он думал о возвращении на родину с приезда в Москву и добился своего. Я оказался причастным и к подготовке его тайного проникновения в Чили для руководства партией в 1983 г. А с 1990 г., когда я был советником-посланником и временным поверенным в делах СССР/России в Чили, бывал у него в городке Сан-Бернардо, в 15 км к югу от столицы, в доме, кстати, приобретенным на жалование, которое пиночетовская хунта выплачивала ему как бывшему сенатору.

Последний раз мы виделись в 2005 г. во время моей частной поездки в Чили в новом доме Корвалана в Сантьяго, где он вместе с семьей гостеприимно принял меня, угостив приготовленным им самим жареным мясом, одобренным отличным чилийским вином, в котором он знал толк.

Корвалан считал, что руководимая им партия была главным создателем коалиции левых сил Чили — блока Народное единство и творцом его победы на президентских выборах 1970 г. Он внимательно следил за деятельностью пришедшего к власти в результате этих выборов президента Альенде. Конечно, ему была известна неоднократно высказанная Альенде мысль о «новой чилийской модели» продвижения страны к социализму без диктатуры пролетариата, в условиях политического плюрализма.

Как он воспринимал эти высказывания? Тогда он не разделял, по крайней мере публично, мнение о диктатуре пролетариата, к которому склонялся Альенде. Выступая на XXIV съезде КПСС 6 апреля 1971 г., еще до того, как президент недвусмысленно изложил свою позицию в послании пленарному заседанию Национального конгресса Чили в мае 1971 г., товарищ Лучо говорил: «Наши враги утверждают, что многопартийный состав народного правительства Чили якобы преходящее явление, и будто бы чилийские коммунисты вскоре попытаются покончить с таким положением и установить однопартийную систему. Мы, разумеется, не возражаем против однопартийной системы там, где она исторически оправдана. Но мы можем сказать здесь и повторить где угодно, что в нашей стране мы смотрим на все вопросы, в том числе и на строительство социализма, с точки зрения сотрудничества, не ограниченного во времени, между коммунистами и

социалистами, между всеми партиями, входящими в блок Народного единства. У нас нет другого пути, к тому же нас устраивает избранный путь, обусловленный нашей социальной и политической действительностью»¹⁸.

Наверное, руководитель РССЧ говорил это с оглядкой на КПСС, главного хранителя верности ленинскому учению, может быть, испытывая опасение прослыть в ее глазах «ревизионистом» и поставить под сомнение свою лояльность «партии Ленина».

Чуть позже, в ноябре 1971 г., в интервью французскому еженедельнику «France Nouvelle» Корвалан заявлял: «Научный социализм и опыт народов учат нас, что социалистическая революция не может успешно завершиться без диктатуры пролетариата. Тот факт, что формы этой диктатуры бывают разные, что диктатуру осуществляют совместно различные политические силы, не делает ее менее необходимой»¹⁹.

Общение с товарищем Лучо оказало влияние на мое формирование, преодоление догматического подхода к оценке реальности. Сам он не был склонен к схематизму, обладал живым умом, удивительно хорошо владел народной речью, часто использовал пословицы и поговорки, и незнающему их переводить его было нелегко. Знал деревенскую и простонародную жизнь, разбирался в полезных травах, используемых в приготовлении пищи. Конечно, он был приверженцем КПСС, симпатизировал Советскому Союзу. Но то не была слепая привязанность. Он не разделял бытовавшего в то время у нас жесткого идеологического подхода к произведениям литературы и искусства. В Москве поддерживал дружеские отношения с Евгением Евтушенко и певицей Валентиной Толкуновой. Одобрительно высказывался о некоторых сомнительных акциях СССР (интервенция в Чехословакии), хотя, как сейчас мне кажется, тут играла роль и определенная зависимость РССЧ от финансовой поддержки КПСС — опасение лишиться ее.

В конце 70-х годов на меня произвели впечатление своей новизной теорико-политические работы Корвалана, такие как «Наш демократический проект», написанный в июле 1979 г. и вынесенный на рассмотрение всех антидиктаторских сил Чили, фундаментальная статья в журнале «Проблемы мира и социализма» в январе 1978 г. «Невооруженный путь революции: как он сложился в нашей стране».

С затрагиваемой в этих статьях тематикой оказалась связана линия РССЧ, в разработке которой в 80-х годах принимал участие генсек РССЧ, руководя заграничное бюро партии в Москве. У нас были регулярные контакты, и я пытался отслеживать изменения в установках по борьбе с пиночетовским режимом, за восстановление демократического строя.

3 сентября 1980 г. РССЧ обратилась с призывом к народу (это было сделано ее генеральным секретарем на митинге по случаю 10-летия победы на выборах 1970 г. в колонном зале московского Дворца союзов) взять курс на «народное восстание» и использовать самые различные формы борьбы, включая острое насилие, чтобы сбросить диктатуру и установить демократический режим. РССЧ утверждала: в тот момент большинству населения уже стало очевидно, что путь постепенной эволюции к демократии оказался закрытым. Такое настроение, полагала партия, вызревало в народных массах. Правда, вместе с тем признавалось, что христианская демократия со своими формами и методами все более включалась в борьбу против диктатуры. Получалось, с одной стороны, что путь к постепенной эволюции к де-

мократии закрыт, а с другой — христианские демократы все более активно включались в борьбу с диктаторской властью. В такой оценке ситуации обнаруживалось явное противоречие. На самом деле уже в 1981 г. начались массовые протестные выступления народа, что говорило об ошибочном видении чилийскими коммунистами обстановки в стране.

Красноречивым показателем этого стала встреча в московской гостинице ЦК КПСС в Плотниковом переулке в июле 1980 г. представителей внутреннего, подпольного руководства партии с руководителями ее загранбюро в рамках «военной комиссии» РССЧ. Делегаты внутреннего руководства отвергли курс на развертывание вооруженной борьбы с диктатурой, заявив представителям загранбюро: «Если вы решили вооружаться, то мы сами вас разоружим», считая, что курс на вооруженную борьбу препятствует развитию в стране социальных антидиктаторских выступлений и совместным действиям с другими политическими силами. А на следующий день на встрече в загранбюро сторонников использования «военного элемента» обвинили в опасной фракционной работе. К тому же выяснилось, что среди руководителей в изгнании по этому вопросу не было единства. Например, Орландо Мильяс был против, Серхио Овалье²⁰ — за, а Корвалан не примкнул ни к той, ни к другой стороне в определении путей борьбы. На мой взгляд это отражало неуверенность в правильности провозглашавшегося им же курса.

Должен признать, что для меня эти разногласия в зарубежном руководстве РССЧ оказались неведомыми.

В последние годы жизни, перестав быть генсеком партии, Корвалан посвятил себя написанию работ, в которых стремился осмыслить уроки недавней истории Чили, своей жизни и международных событий. Это такие книги как «Крах советской власти» (1993 г.), где он высказал критическое отношение к горбачевской перестройке, приведшей, по его мнению, к утрате КПСС властных рычагов, а также исключительно содержательные, но, к сожалению, не изданные у нас воспоминания «Из пережитого и отстаивавшегося в борьбе» (1997 г.), «Правительство Сальвадора Альенде» (1903 г.) с анализом деятельности правительства Народного единства и оценкой его места в истории страны, «Коммунисты и демократия» (2008 г.).

Во время моей поездки в октябре 2012 г. в Чили, первой после внезапной кончины Корвалана от скоротечной чахотки в июле 2010 г., я встретился с его вдовой Лили Кастильо, дочерьми Марией Викторией и Вивианой, окруженными внуками. Лили, кстати, пишет воспоминания. Уверен, что они будут свидетельством преданности делу борьбы за достойное будущее чилийцев.

Теперь речь пойдет о нескольких других, как считаю, выдающихся личностях недавней чилийской истории. И первый из них — мой незабвенный друг **Родриго Рохас**. Он родился в 1930 г. на острове Чилоэ у южной оконечности Чили, считающемся родиной картошки, — незаменимого в нашем питании продукта. Молодым человеком в 1948 г. он вступил в компартию, стал активистом профсоюза горняков. В 1957 г., уже как журналист, редактор знаменитой пролетарской газеты «El Despertar de los Trabajadores» («Пробуждение трудящихся»), был арестован и сослан в поселок Курепто, в 250 км к юго-западу от Сантьяго.

Родриго Рохас

Мы познакомились в 1959 г., когда я, переводчик Высшей партийной школы при ЦК КПСС, был направлен в «Литвиновку», бывшую дачу наркома иностранных дел СССР Литвинова в подмосковном поселке Куркино, где разместили группу слушателей из латиноамериканских коммунистов. С Родриго у нас сразу же установились дружеские и, я бы сказал, доверительные отношения, во многом благодаря его расположенности к нашей стране. Нередко мы с ним отправлялись гулять по окрестностям, пересекали лес, доходили до Химок, там садились на автобус и возвращались «на объект». Во время прогулок он рассказывал о своей деятельности и стране, а я о своей.

Единственное «принципиальное расхождение» с Родриго возникло у меня в 1960 г. во время поездки группы в Минск. В поезде нас разместили в одном купе: я и Родриго — на верхних полках, а на нижней — переводчица. Ночью чувствую, что Родриго спускается с полки. Я притворился спящим, а девушка стала поощрять Родриго к действию... По прибытии в гостиницу в Минске я ничего ему не сказал, а на нее дулся. Тогда произошедшее казалось мне безнравственным, а теперь представляется естественным. По некоторым репликам жены друга позднее мне показалось, что он рассказал ей о своих отношениях с «Леоной» («Львицей»), как тогда прозвали переводчицу.

В следующий раз, после моего перехода в 1961 г. на работу в Международный отдел ЦК, мы встретились, когда делегация КПСС, которую я сопровождал, прибыла в Сантьяго на XII съезд РСЧ в марте 1962 г. Родриго к моему удовольствию был приставлен к нашей делегации. В тот период он с успехом применял свои способности в теоретическом органе партии «Principios» и в ее комиссии по международным связям. А в 1969 г. его назначили главным редактором центрального печатного издания РСЧ газеты «El Siglo». В том же году на XIV съезде РСЧ, где мне также довелось побывать, Родриго стал членом Политкомиссии ЦК и вошел в делегацию РСЧ на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве.

С сентября 1972 г. до военного переворота 1973 г. он — советник по пропаганде президента Чили С.Альенде.

В январе 1972 г., во время пребывания в Чили нашей делегации на праздновании 50-летия РСЧ, я вместе с входившим в делегацию Е.И.Кусковым, заместителем заведующего нашим отделом, побывал дома у Родриго и его жены Илии в двухэтажном коттедже в центре Сантьяго. Там Илия живет и сейчас.

После переворота Родриго скрывался на конспиративной квартире, но в начале октября был арестован сотрудниками военной разведки и препровожден в казармы полка «Буин». Там его подвергли допросу и истязаниям, а на следующий день отправили на Национальный стадион, где уже находились тысячи арестованных, как «опасного экстремиста, советского шпиона и коммунистического активиста, пытавшегося вести пропаганду в

вооруженных силах». Несмотря на изнурительные допросы, издевательства и чудовищные пытки (ему, в частности, подносили обнаженные электропровода к гениталиям, два раза водили на расстрел), Родриго не потерял мужества и веры в лучшее будущее. 28 октября на стадионе появился представитель Международного Красного Креста и передал ему короткое письмо от Илии, в котором она писала: *«Все мы гордимся тобой...»*. Значит, не только жене и трем дочерям, но и товарищам по партии было известно, как он держался перед палачами.

30 октября Родриго в числе более 250 заключенных перевезли в столичную тюрьму «Penitenciaria» для уголовников. Здесь отношение к заключенным изменилось: тюремное начальство стало прислушиваться к их требованиям относительно условий содержания, свиданий с родственниками и адвокатами, оказания медицинской помощи. Через месяц с небольшим в тюрьму явился прокурор, сообщивший Родриго, что его делом будет заниматься не военный трибунал, а прокуратура. В зачитанном обвинении уже не было ни слова о том, что он «советский шпион, предатель родины, агент международного коммунизма». А спустя два дня, 7 декабря, пришел гражданский адвокат, уведомивший Родриго, что обвинения против него носят не уголовный, а политический характер, и он с коллегами будет защищать его. Прошло два часа, появился еще один адвокат, да не один, а с Илией. В тот день Родриго узнал, что остался в живых благодаря ее неустанной борьбе за его жизнь. Куда только она ни обращалась после его ареста — к иностранным корреспондентам, главе католической церкви Чили кардиналу Сильве Энрикесу, обегала в поисках его тела все больницы и морги. Лишь две недели спустя получила официальную справку, что он жив и его содержат на Национальном стадионе. Тогда начался новый этап борьбы за жизнь мужа и отца ее дочерей — обращение к заступничеству Национальной коллегии журналистов, где она проводила целые дни, звонила ее членам днем и ночью и наконец добилась решения коллегии поставить вопрос об исчезнувших журналистах перед министерством внутренних дел. Одновременно Илия нашла нужного защитника на случай судебного процесса даже в военном трибунале.

11 декабря в отношении Родриго отменили режим изоляции, а 20 декабря ему разрешили свидание с женой, сестрой, племянником и старшими дочерьми Сесилией и Анной-Марией (6-летняя Марсела осталась дома). Между тем адвокатам удалось вырвать дело против Родриго у чрезвычайного трибунала и добиться его рассмотрения обычным военным судом по преступлениям, совершенным в мирное время. На основании показаний свидетелей и представленных материалов суд решил освободить заключенного. Вечером 5 февраля 1974 г. его оповестили об этом.

Руководство РССЧ сочло, что Родриго должен работать для партии за рубежом, хотя он просил разрешения остаться и бороться в подполье. Выполняя волю партии, Родриго укрылся в доме посла Болгарии и в августе 1974 г. получил разрешение на выезд в эту страну, откуда перебрался в ГДР, куда прибыла его семья, а в сентябре 1974 г. они все вместе отправились на Кубу.

Мне же довелось увидеться с Родриго еще раньше. Моя встреча с ним произошла неожиданно в мае 1974 г., когда я сопровождал делегацию КПСС на Совещании компартий соцстран по солидарности с Чили в Гаване. Нас разместили в импозантной гостинице «Habana Libre». Оказалось,

что там же проживал с женой и Родриго, представлявший на Кубе РССЧ. Пользуясь привилегией особого постояльца, он заказал еду и пригласил меня к себе в номер. И мы отметили нашу встречу.

Спустя месяц в Гавану прибыл возглавлявший тогда загранбюро РССЧ в Москве Володя Тейтельбом. Сопровождаемый Родриго, он был принят Фиделем Кастро. В исторической беседе с кубинской стороны также участвовали министр Революционных вооруженных сил Рауль Кастро, первый вице-премьер Карлос Рафаэль Родригес и начальник службы внешней разведки Мануэль Пиньеро. Фидель выдвинул беспрецедентное предложение — готовить на Кубе офицеров из молодых чилийских коммунистов для создания «параллельной армии», чтобы вновь не потерпеть поражения, как в 1973 г., а также для защиты будущего демократического правительства. Чилийцы с воодушевлением приняли предложение Фиделя, который оценил это как выдачу свидетельства о рождении новой демократической армии Чили.

В дальнейшем Родриго как член Секретариата ЦК представлял РССЧ в ГДР. В мае 1975 г. я общался с ним уже в Берлине, куда приехал на IX съезд Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Затем последовали памятные встречи в мае-июне 1981 г. на пленуме ЦК РССЧ, проходившем в местечке Гроссрешен, в ста с лишним километрах к югу от Берлина, где в прошлом размещался интернат Гитлерюгенд. СЕПГ обеспечила отличные условия. Затем, в апреле 1983 г., во время международной научной конференции «Карл Маркс и современность» в Берлине я был у Родриго в его квартире на проспекте Ленина.

Потом были годы, когда Родриго часто навещался из Берлина в Москву для встреч с руководителями действовавшего у нас загранбюро РССЧ. Обычно он приходил ко мне с приятными «дарами» — малодоступными тогда в Москве мясными деликатесами, что доставляло особую радость моим сыновьям.

Я в свою очередь договаривался о его допуске в «двухсотую секцию» ГУМа, где советская элита могла приобретать импортные товары. В конце 80-х годов, не помню точно когда, при моем содействии Родриго с женой и дочерью Марселой были приглашены на летний отдых в СССР в санаторий «Ай-Даниль» под Ялтой. Там мы оказались вместе и, естественно, почти ежедневно общались: гуляли, купались в море, ходили в магазин за выпивкой, скрепляя этим наши дружеские узы.

В январе 1990 г. Родриго встретил меня уже в Чили, куда я был направлен на празднование 68-й годовщины РССЧ, торжественно и открыто отмеченной на стадионе Санта-Лаура в Сантьяго. С 11 августа 1990 г., когда во главе состава посольства СССР в Чили после восстановления дипломатических отношений между нашими странами я прибыл в Сантьяго, встречи с Родриго стали более или менее регулярными. Я послал ему с Илией приглашение на прием по случаю нашего национального праздника — годовщины Октябрьской революции, состоявшийся в «Club de la Unión», — фешенебельном аристократическом клубе в самом центре чилийской столицы. Вместе с четой Рохасов там были Корвалан с женой и многие местные политические деятели. В дальнейшем, вплоть до моего возвращения на родину в марте 1993 г. мы с Рохасами обменивались визитами, проходившими в атмосфере взаимной симпатии. Ее не нарушило и подлое выдворение из России Ельциным в конце июля 1992 г. бывшего главы ГДР Эриха Хонеккера

из посольства Чили в Москве, где его за десять месяцев до этого приютил тогдашний посол Чили.

Кстати в январе 1994 г. Хонеккер после освобождения из тюрьмы в Германии был выслан в Чили, где уже находились его жена и дочь, которая была замужем за чилийцем. А в мае того же года Хонеккер скончался там от рака. Родриго участвовал в его торжественных похоронах.

Сам Родриго с 1991 по 1999 г. работал как журналист в Департаменте печати Секретариата коммуникаций и культуры правительств Эйльвина и Эдаурдо Фрея. Скончался мой друг после продолжительной болезни 15 июня 1999 г.

После смерти Родриго я виделся с его вдовой Илией во время моих поездок в Чили в уютном доме, с их дочерьми — Сесилией, живущей в Сантьяго, Марселей, занимающейся туристским бизнесом в Берлине, и Анной Марией, которая оказалась во Франции, выйдя замуж за француза. Илия и дочери помогли мне собрать данные о Родриго для этих воспоминаний.

Последний раз я встретился с Илией в Сантьяго в 2012 г. Она подарила мне два тома воспоминаний Орландо Мильяса из библиотеки Родриго, о приобретении которых я давно помышлял.

Теперь настала очередь поведать еще об одном исключительном человеке из руководителей чилийских коммунистов. Этот ветеран партии своим умением достойно держаться в любых обстоятельствах заслужил среди товарищей обращение «Дон Америко». Так часто обращался к нему и я.

Америко Соррилья родился 22 февраля аж в 1910 г. в Сантьяго. Его отец был мелким предпринимателем, владельцем фирмочки по изготовлению типографского оборудования, а мать — из крестьян. С 14 лет он стал работать в мастерской отца, освоил ремесло линотиписта и другие типографские работы. Это наложило отпечаток на его последующую деятельность.

Проучившись семь лет, Америко бросает школу и работает типографским рабочим. В 1931 г. участвует в создании Федерации типографских рабочих, в следующем году вступает в компартию и как делегат этой федерации принимает участие в Совете рабочих, солдат, крестьян и моряков, возникшем в знак солидарности с восставшими в 1931 г. военными моряками, недовольными решением правительства понизить их жалование и заключенными затем в тюрьму. В 1934 г. занесенный хозяевами типографии в «черный список» и оказавшийся без работы Америко переезжает в Вальпараисо где находит место в одной из типографий. Через четыре года по настоянию партии возвращается в Сантьяго и снова занимается типографским делом. В 1940 г. Америко назначают администратором основанного партией ее центрального печатного органа «El Siglo», а в 1941 г. — управляющим этой газеты. На этом посту Америко трудился до 1948 г., пока его не коснулись антикоммунистические репрессии, развязанные президентом — предателем народного дела Г. Гонсалесом Виделой. Америко неоднократно арестовывают и ссылают на остров Чилоэ, на юге Чили. Возвратившись из ссылки в 1950 г., он руководит отважной акцией по подпольному изданию поэмы Пабло Неруды «Всеобщая песнь». Теперь вместо газет, брошюр и листовок надо было в условиях строгой конспирации изготовить

1956 г. Америксо Соррилья сходит с самолета по возвращении из концлагеря в Писагуа

5 тыс. экземпляров книги большого формата из 468 страниц (на нее ушло 5 т бумаги).

25 октября 1952 г., за неделю до того, как президент-предатель покинул свой дворец, возобновился выход «El Siglo», и Америксо вновь приступил к обязанностям ее управляющего. Но новый президент Карлос Ибаньес снова подверг репрессиям рабочее движение и возбудил процесс против компартии. Назначенный в 1955 г. ответственным за финансы партии Америксо в следующем году был арестован и сослан на несколько месяцев в концлагерь в Писагуа.

На очередном съезде РССЧ в 1958 г. его избрали в ЦК, через четыре года — в Секретариат ЦК, а в 1965 г. он стал членом Политкомиссии ЦК.

Я познакомился с Америксо во время съезда 1962 г. и проникся глубоким уважением к этому сильному, обходительному, внимательному, исключительно скромному и трудолюбивому человеку.

После победы Сальвадора Альенде на президентских выборах 1970 г. Соррилья был назначен министром финансов. В июне 1972 г. на этом посту его сменил Орландо Мильяс, также представлявший РССЧ.

После переворота 11 сентября 1973 г. Америксо вел партийную работу в подполье и до начала 1974 г. отвечал за пропаганду, а с апреля того года ему поручили организационные дела.

В феврале 1976 г. я встретил Америксо на аэродроме в Москве, куда он прилетел, тайно выбравшись из Чили, для участия в XXV съезде КПСС. Америксо выступил на съезде и рассказал о борьбе чилийцев против диктатуры. С женой Дорой Альварес он остался в нашей стране и стал активно участвовать в деятельности сформированного здесь загранбюро РССЧ, руководил кампаниями, проводившимися чилийскими коммунистами, оказавшимися в изгнании в более чем 30 странах, в поддержку усилий по восстановлению демократии на родине, нередко выезжал в граничные поездки и всегда спрашивал меня, не привести ли чего-нибудь. Я несколько раз просил его купить мне несколько пачек хорошего чая и никогда не встречал отказа.

В 1986 г. Америксо легально вернулся в Чили из СССР, принял участие в XIX съезде РССЧ в апреле 1989 г., хотя и перестал быть членом ЦК. Он активно работал в своей партийной ячейке и, став рядовым коммунистом, со свойственной ему ответственностью и скромностью каждый день появлялся в здании ЦК, стараясь помочь, в чем нужно. Одной из его забот было содержание в порядке могилы Луиса Эмилио Рекабаррена, основателя Со-

циалистической рабочей и Коммунистической партий Чили, на Центральном кладбище в Сантьяго.

За время работы в нашем посольстве в Чили в 1990 г. я несколько раз бывал в доме Америко, где меня всегда сердечно принимали.

Дон Америко скончался 20 августа 1993 г. Его похороны стали внушительной демонстрацией уважения к памяти этого безгранично преданного великому делу социальной справедливости и исключительно высокой нравственности человека. Я был в те дни в отпуске в Москве, а по возвращении в Сантьяго позвонил его вдове Доре и выразил соболезнования.

А сейчас от ветеранов перейду к «комсомольскому поколению» руководителей РСCh. И на первом месте будет легендарная фигура в деятельности компартии и борьбе за демократию в стране в последние четыре десятилетия прошлого века и в начале нынешнего — **Гладис Марин**.

Гладис родилась 16 июля 1941 г. в городке Курепто, почти в 100 км к юго-западу от столицы Сантьяго, в семье крестьянина и учительницы начальной школы. Отец вскоре покинул семью, и матери пришлось одной растить Гладис и трех ее сестер. Когда Гладис исполнилось четыре года, семья уехала в поселок Талаганте в 30 км от Сантьяго. Там девочка поступила в педагогическое училище и стала активисткой Федерации учащихся педучилищ, вступила в 1958 г. в Союз коммунистической молодежи (СКМ), уже будучи избранной председателем указанной федерации и получив диплом учительницы. В 1963 г. она вышла замуж за Хорхе Муньоса — студента инженерного факультета университета. В том же году ее избирают Генеральным секретарем СКМ, а два года спустя она — член ЦК и Политкомиссии ЦК РСCh, а также депутат чилийского парламента, куда ее избирали три срока подряд.

Комсомол под руководством Гладис активно боролся за избрание президентом страны Сальвадора Альенде. На съезде СКМ в 1969 г. было принято решение о создании Бригады Рамоны Парры, названной именем чилийской комсомолки, погибшей в 1946 г. в Сантьяго во время расстрела демонстрации забастовщиков. Бригада стала знаменита своими пропагандистскими граффити, украсившими многие населенные пункты Чили. Гладис была душой этого движения.

В день военного переворота 11 сентября 1973 г. с утра она была дома с мужем, уже коммерческим инженером. Они слушали сообщения о мятеже ВМФ. Тогда Гладис попросила няню пойти за сыновьями Родриго и Альваро в школу и отвести их к бабушке. Потом направилась в ЦК партии и офис СКМ. После переворота перешла на подпольное положение, а в декабре 1973 г. по решению руководства КПЧ и вопреки своему желанию попросила убежище в посольстве Голландии в Сантьяго и провела там восемь месяцев, пока власти не дали разрешения на выезд из страны. В 1974 г. Гладис перебралась в Москву, где и стала активно работать в загранбюро РСCh. Семья Гладис осталась в Сантьяго. К тому же в 1976 г. там был арестован и бесследно исчез ее муж Хорхе, член подпольного руководства РСCh. Она же не оставляла намерения вернуться в Чили для борьбы против пиночетовского режима в подполье. Это ее намерение нашло отклик с на-

Плакат в честь Гладис Марин

тически возглавила подпольное руководство партии. После прибытия туда также нелегально в августе 1983 г. Луиса Корвалана они вместе регулярно участвовали в заседаниях Политкомиссии компартии и выработке мер по проведению линии на народное восстание.

Гладис поддерживала эту линию и способствовала ее практическому осуществлению. В июне 1983 г., во время первого Дня национального протеста в Чили РСЧ принял участие в беспрецедентной встрече на Кубе для определения позиции в связи с нарастающим напором борьбы против пиночетовской диктатуры. На так называемой сходке в Гаване («concentrado en La Habana») присутствовали представители подготовленных кубинцами офицеров-коммунистов в лице Гальварино Апабласы («команданте Себастьян»); заграничного руководства РСЧ в лице В.Тейтельбойма и Хорхе Монтеса, а также подпольного руководства партии во главе с Гладис, которое уполномочило участвовать от его имени «Эрнесто Контрераса».

Выступая на этой встрече, Апабласа настаивал на направлении в Чили прошедших военную подготовку на Кубе чилийцев для осуществления вооруженных акций с целью подталкивания массового протестного движения против диктатуры. Уполномоченный Гладис Марин «Контрерас» расценил впоследствии такой подход как недостаточно серьезный, ибо речь шла «не об устройстве военной засады, а о проведении в жизнь политики народного восстания». Х.Монтес со своей стороны также защищал идею народного восстания и предостерегал от «военных авантюр». В своем выступлении он пояснял, что имеется в виду «самый важный стратегический поворот в истории компартии, при котором военный фактор — лишь еще один компонент борьбы». Такая позиция представлялась ему более последовательной. При различии в оттенках «сходка в Гаване» означала согласие с решением пойти по вооруженному пути борьбы с диктатурой.

В интервью чилийскому журналу в 2005 г., незадолго до своей смерти, Гладис отмечала: «Когда был сделан вывод, что надо пойти на использование этих молодых чилийцев в военном плане, мы неизменно думали: это послужит стране в последующие, демократические времена. Теми, кто ставил вопрос об упреждающем направлении этих молодых людей в страну, были мы. И мы всегда брали на себя ответственность за это, зачем возлагать ее на ку-

шей стороны. Началась соответствующая подготовка: нужные документы, изменение внешности. В 1978 г. Гладис через Аргентину тайно возвращается в Чили. Я провожал ее до аэродрома Шереметьево. Помню, как с утра на спецквартире помогал ей вставить в глаза линзы, менявшие цвет глаз. Из-за этого чуть не опоздали на самолет.

В Чили Марин прак-

бинцев? Мы несем ответственность за то, что сделали, и за солидарную помощь, о которой просили. Вот и все».

С окончательного согласия РССЧ в последующие месяцы первые чилийские бойцы стали направляться с Кубы в Чили для оказания вооруженного сопротивления режиму Пиночета и вливаться в созданный РССЧ для вооруженной борьбы Патриотический фронт Мануэля Родригеса (Frente Patriótico Manuel Rodríguez, FPMR).

Позиция Гладис, изложенная ее уполномоченным, произвела впечатление на Фиделя Кастро и способствовала установлению между ними в дальнейшем глубоко дружеских отношений. Гладис распорядилась, чтобы помощь кубинцев FPMR шла через «Себастьяна», тогда ответственного за военную работу партии, ныне известного под своим именем Гильермо Тейлльера. Сейчас он председатель РССЧ.

Возвратившись в 1978 г. в Чили, Гладис принимала самое активное участие в руководстве партией. Мне довелось стать свидетелем признания ее роли среди чилийских коммунистов, когда в январе 1990 г. я был направлен на празднование 68-ю годовщины РССЧ, проходившее уже открыто еще при Пиночете, который проиграл референдум о продлении его правления и назначил новые выборы. Гладис была главным оратором на организованном партией митинге на стадионе Санта-Лаура в Сантьяго 12 января, она обратилась к народу со словами борьбы и надежды, сказав, что партия по-прежнему будет отстаивать правду и справедливость и провозгласила возвращение РССЧ к легальной деятельности. Гладис подошла ко мне и сердечно поприветствовала.

Признанием роли Г.Марин было ее избрание Генеральным секретарем РССЧ в 1994 г. Этот пост она занимала до 2002 г.

В январе 1998 г. Гладис первой в Чили подала иск против Пиночета, обвинив его в причастности к похищению ее мужа. В 2000—2002 гг. она подавала иски по этому делу против бывшего директора Управления национальной разведки (ДИНА) генерала Контрераса, затем о вызове его в суд для разъяснения сделанного им по телевидению заявления о том, что Хорхе Муньос якобы жив и находится за границей, а также против решения судебных инстанций отложить рассмотрение дела и прекратить судебное преследование.

В сентябре 2002 г. Гладис стала председателем РССЧ. Это назначение объяснялось ухудшением ее здоровья. У нее был обнаружен рак мозга. В Швеции злокачественную опухоль удалили. Затем по личному приглашению Фиделя она проходила лечение на Кубе. Однако, несмотря на усилия медиков, 6 марта 2005 г. Гладис Марин скончалась в своем доме в Сантьяго. Президент Чили Риккардо Лагос объявил двухдневный общенациональный траур. В последний путь лидера компартии провожали до миллиона человек. Викарий Чили кардинал Баэса отслужил посвященную Гладис воскресную мессу и сказал: «... Чилийцы потеряли великого человека, женщину и политического лидера, которая все свои силы и саму жизнь отдала за справедливость, за социальный мир в стране...». В честь Гладис Марин была переименована одна из улиц чилийской столицы.

Дело Гладис продолжают ее сыновья. Родриго — врач и работает в поселке Кольбун в 240 км к юго-западу от Сантьяго. Компартия выдвигала Родриго в муниципальные советники и добила его избрания. На муници-

пальных выборах в октябре 2012 г. он — кандидат в мэры, но его не избрали. Альваро работает в Национальном управлении спорта и является руководителем ассоциации ее работников.

Ровесник и соратник Гладис Марин, тоже «выходец» из чилийского комсомола, мой давний друг **Алехандро Янес**.

Он родился 10 августа 1941 г. в городе Консепсьон, а в двухлетнем возрасте с родителями переехал в городок Кампанарио с населением 4 тыс. жителей, в 450 км к югу от Сантьяго у Кордильер, где высится вулкан Антуко, у подножья которого простирается озеро Лаха с известными водопадами на вытекающих из него реках.

Родители Алехандро были бухгалтерами и владельцами магазина, где местные жители приобретали продукты первой необходимости. С ним росли шесть братьев и одна сестра. Разница в возрасте между ним и младшим братом — 9 лет. Все, как говорится, «вышли в люди». Три старших брата — инженеры. Один из них, Лео, был в эмиграции в ГДР, женился на дочери Э.Хонеккера Соне, приехавшей с ним и их сыном в Чили. В 1992 г. к ним присоединилась ее мать Маргот, а в январе 1993 г. и сам Хонеккер, освобожденный из берлинской тюрьмы по состоянию здоровья и с почестями принятый постпиночетовскими властями. Три младших брата — Педро, Эдуардо и Фернандо — известные в Чили исполнители авторских песен, а сестра Патрисиа — признанная художница, ее картины выставлялись даже в Эрмитаже.

Алехандро начал учиться в начальной школе в Кампанарио, потом два года провел в иезуитской семинарии в г. Чильяне, а в 1955 г, когда мальчику исполнилось 13 лет, родители перевели его в интернат училища искусств и ремесел Государственного технического университета (ГТУ) в Сантьяго. Там он, получив среднее техническое образование, был принят на работу техником-электриком. Этот же вуз он и окончил в 1968 г. с дипломом инженера-электрика.

В 1962 г. вступил в комсомол. С 1964 г. был членом его ЦК, а в 1965 г., оставаясь комсомольцем, на съезде РСCh стал членом ЦК партии. В 1966, 1967, 1969 и 1970 гг. его избирали председателем Федерации студентов ГТУ. В 1968 г. он попросил не избирать его, чтобы иметь возможность окончить университет. В середине 1970 г. Алехандро оставил пост председателя федерации и был принят на полную ставку преподавателем электроинженерного отделения университета. Там он работал до апреля 1971 г., когда ушел в неоплачиваемый отпуск, чтобы занять пост вице-председателя Международного союза студентов со штаб-квартирой в Праге, куда уехал с женой Мириам Кампос и трехлетним сыном Сашей. Там их и застал военный переворот 11 сентября 1973 г. У него с семьей уже были билеты в Сантьяго на 14 сентября, но тогда им так и не удалось вернуться на родину. Вместо этого Алехандро отправился в Рим, где 18 сентября собрались 20 чилийских политических и общественных деятелей, оказавшихся в Европе. Они выступили с заявлением, осуждавшим переворот; собравшиеся создали комитет «Демократическое Чили» с местопребыванием в Риме, который занялся работой среди изгнанных чилийцев по всему миру. Уже на сле-

дующий день всем, кто подписал заявление, в том числе и Алехандро, военная хунта запретила возвращаться в страну.

В ноябре 1973 г. Алехандро переехал в СССР как политический эмигрант и вошел в состав загранбюро РСЧ, а Мириам (тут ее знали как «Паулу», а его как «Анхеля») отвечала за выход ежемесячного информационного издания загранбюро («Красный бюллетень»). Летом 1979 г. Мириам скончалась от рака. После смерти матери Саша, младший, был принят в Международный интернат в Иваново, существовавший со времен Коминтерна для детей зарубежных революционных деятелей, да и для наших ребят, чьи родители выполняли задания за границей. Потом он учился в МГУ. В январе 1988 г. возвратился в Чили, где уже с июля предыдущего года находился отец.

В Москве Алехандро Янес прошел курс обучения в Институте общественных наук при ЦК КПСС, где занялся углубленным изучением «Капитала» К.Маркса и в начале 1980-х годов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную анализу злополучного применения теорий американского экономиста Милтона Фридмана в Чили.

Я вновь увидел Алехандро, когда приехал в 1990 г. работать в нашем посольстве в Чили. Он тогда начал заниматься развитием торгово-экономических отношений между нашими странами, был директором Чилийско-российской торговой палаты. Алехандро как хороший друг окружил вниманием моего старшего сына Алешу, прилетавшего к нам на побывку, помогал мне как инженер-электрик в проведении телефона у нас дома. Летом 1991 г. мы гуляли на его свадьбе с Нери Альварес в построенном его отцом доме с большим садом с плодовыми деревьями. Помимо нас с женой там были и оказавшийся в Сантьяго наш известный латиноамериканист Борис Коваль, и, если не подводит память, мой коллега по Международному отделу ЦК Юрий Антонов.

Я вновь увидел Алехандро, когда приехал в 1990 г. работать в нашем посольстве в Чили. Он тогда начал заниматься развитием торгово-экономических отношений между нашими странами, был директором Чилийско-российской торговой палаты. Алехандро как хороший друг окружил вниманием моего старшего сына Алешу, прилетавшего к нам на побывку, помогал мне как инженер-электрик в проведении телефона у нас дома. Летом 1991 г. мы гуляли на его свадьбе с Нери Альварес в построенном его отцом доме с большим садом с плодовыми деревьями. Помимо нас с женой там были и оказавшийся в Сантьяго наш известный латиноамериканист Борис Коваль, и, если не подводит память, мой коллега по Международному отделу ЦК Юрий Антонов.

Но в конце июля или начале августа 1992 г. между нами чуть не «пробежала черная кошка». Мы с женой пригласили чету Янесов к себе на ужин. Они пришли почему-то с задержкой. Потом в разговоре выяснилось, что думали вообще не приходить в знак недовольства тем, что российские власти выдали властям ФРГ укрывавшегося в посольстве Чили в Москве бывшего главу ГДР Э.Хонеккера. А у Алехандро было к нему особое отношение за то, что тот принял в стране много чилийских изгнанников и из-за родственных связей: я уже упоминал, что его брат был женат на дочери Хонеккера. К моему удовлетворению ситуация разрядилась, поскольку я разъяснил, что не имею к этому делу никакого отношения, а наоборот осу-

А.Янес (в центре), слева его брат Лео, справа — бывший студенческий лидер Осизель Нуньес

жду эту акцию, предпринятую по указке Ельцина тогдашним министром юстиции Федоровым. Наши добрые отношения продолжались.

Однажды Алехандро рассказал, что в мае-июне 1969 г. был участником беседы, в которой заведующий Международным отделом ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б.Н.Пономарев, по его словам, дал понять, что из-за вовлеченности СССР в противоборство с империалистическими силами во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и Африке Альянде не стоит рассчитывать на советскую помощь. Янес проинформировал об этом руководство РСCh.

После возвращения из Чили я не раз встречался с Алехандро в Москве, куда он приезжал с разными торгово-экономическими проектами, а в 2000 или 2001 г., когда я прилетал в Сантьяго по делам обмена российской недвижимости на строительство нового здания нашего посольства, узнал о болезни Нери и вместе с ним навестил ее в больнице. Спустя немного времени она скончалась, и опять от рака, как и первая жена. Что за судьба у такого хорошего человека!

Алехандро продолжает заниматься развитием торгово-экономических связей с Россией. При мне он оказывал внимание делегации «Росгидро», намеревающегося осуществить в Чили проект строительства приливной электростанции. На прощанье я получил от Алехандро традиционный чилийский напиток — «писко-сауэр» из виноградной водки с лимоном и сахаром, сделанный в его родном городке Кампанарио.

Алехандро не прекращает партийной деятельности, пропагандирует «Капитал» Маркса на занятиях и семинарах дома и за рубежом, считая, что изучение этого труда помогает понять явления современной посткапиталистической эпохи. Пожелаю ему успеха.

В начале октября 2012 г. Алехандро прислал мне по электронной почте рассказ о том, как с сентября 1964 г., когда он возвращался из СССР, Александр Игнатьев, тогда сотрудник Комитета молодежных организаций СССР, а теперь исполнительный директор Международного фонда «Новый Свет-500», подарил ему книгу Ленина «Государство и революция» на испанском языке. Он читал ее в самолете по пути в Париж и в гостинице пока другие члены делегации гуляли по городу, дочитал до конца, но не обнаружил последней главы, которую Ленину, подчеркнул Алехандро в своем послании мне, помешала написать «приятная помеха» — революция.

Спустя несколько дней я увиделся с Алехандро уже в Сантьяго. Он радушно встретил меня и опекал вместе с женой Клаудией, его единомышленницей. Вместе мы побывали в семье Луиса Корвалана у его вдовы Лили Кастильо.

Теперь наступает очередь моих чилийских друзей-товарищей, олицетворяющих интеллектуальный потенциал РСCh. Как мне кажется, на первое место заслуживает быть поставленным **Володя Тейтельбойм**. Я познакомился с ним в Сантьяго в 1962 г. во время поездки с нашей делегацией на съезд компартии.

Володя, хотя все так его и зовут, — это его псевдоним, а настоящее имя Валентин, родился 17 марта 1916 г. в г.Чильян в центральной части южного Чили, куда забросила судьба в поисках «рая на земле», как вспоминал сам Тейтельбойм в своей книге «Парень XX века», его родителей — отца из местечка на Украине, а мать из Бессарабии, эмигрантов, бежавших от

еврейских погромов и политических потрясений Российской империи. Не знаю, чем они занимались в Чили, но, судя по всему, были достаточно культурные люди и довольно прогрессивно настроенные. Иначе почему у сына рано появилась страсть к чтению, и в 16 лет он вступил в Союз коммунистической молодежи, включившись в политическую деятельность? Тогда же, в 1932 г., он поступил на правовой факультет Чилийского университета в Сантьяго и стал использовать имя «Володя», уменьшительное от имени Ленина. Он избирался председателем Федерации студентов университета. Чтобы оплачивать свою учебу, работал спортивным хроникером в газете «Diario Ilustrado». В то время Володя увлекся словесностью, первым проявлением чего стало составление «Антологии новой чилийской поэзии», опубликованной в 1935 г.

Володя улыбался, говоря: «У меня в жизни есть две любви — политика и литература. Политика — это моя законная жена, а литература — любовница, по ночам лишаящая меня покоя». В 1940-е годы он уже как видный деятель компартии познал тюрьмы и концлагеря, позднее избирался депутатом и сенатором. Последний раз в 1965 г. и оставался им до пиночетовского переворота в 1973 г.

Тейтельбом много сделал для сближения Чили и СССР, охотно приходил на все мероприятия нашего посольства и культурного центра (тогда представительства ССОД) для встреч с нашими соотечественниками, прекрасно знал русскую историю и культуру. В 1969 г. написал одну из лучших испаноязычных книг о русской и советской литературе «Человек и человек». Мне довелось общаться с Володей на съездах РССЧ, где я присутствовал, сопровождая наши делегации на праздновании 60-летия РССЧ в декабре 1971 г. — январе 1972 г. А в августе 1973 г. мне поручили провести несколько дней с находившимся на отдыхе в латвийском курортном городке Майори тогда членом Политкомиссии ЦК РССЧ Тейтельбоймом и его женой Элианой (Ракелью Вайтцман). Их разместили в элитном особняке «восемь люксов» на берегу моря. Володю посещал первый секретарь ЦК КП Латвии Август Эдуардович Восс, ему оказывалось максимальное внимание. Мы показывали ему достопримечательности Риги, свозили в Сигулду с ее фуникулером над пропастью. Я еще раз убедился в том, что Володя — обходительный, взвешенный, вдумчивый, не склонный к импульсивным решениям человек. Ему было не чуждо любование женской красотой: помню, как ему приглянулась одна типичная блондинка латышка, жена начальника пожарной охраны... Володя собирался улететь из Мосевы домой через Рим. И чуть не улетел, но вылет был назначен на... 11 сентября. Уже на аэродроме стало известно о военном перевороте, и мы вернулись в Москву. Володя с женой остался у нас уже как политэмигрант. К ним, спустя несколько недель, присоединилась их дочь Марина, привезенная каким-то чудом из Чили в Стокгольм. Элиана ежедневно названивала, прося побыстрее направить ее в СССР, в наше посольство в Швеции, и вызывала там переполох: тогда такие телефонные переговоры не поощрялись. Вскоре в Москве было создано загранбюро РССЧ, которое и возглавил Тейтельбойм. Жену устроили редактором переводов в издательство «Прогресс», дочь определили в детский сад, а когда выросла, — на факультет журналистики МГУ.

Володя Тейтельбойм

Володя, занимаясь делами загранбюро, стал работать на московском радио в передаче «Слушай, Чили», которую очень многие тайно слушали в стране. Ее воздействие было таким, что военная хунта лишила Тейтельбойма чилийского гражданства. Он продолжал литературную деятельность. В Москве написал роман «Внутренняя война» о противоборстве чилийского народа и диктаторского режима, изданный здесь в русском переводе в 1982 г.

В июне 1974 г. Володя летал в Гавану по приглашению кубинцев на очень важную встречу и переговоры с Фиделем Кастро и другими руководителями Кубы о возможном военном обучении молодых чилийских коммунистов. Я упоминал об этом выше.

Мое общение с Володией сделалось регулярным, тем более, что офис загранбюро находился неподалеку от нашего ЦК — в Армянском переулке. Мы встречались в те времена и на пленумах ЦК РССЧ, уже после приезда в Москву Луиса Корвалана: в Москве на «ближней даче» Сталина в Кунцево, где были достроены помещения для заседаний и проживания, в 1977 г., в ГДР в мае-июне 1981 г. и в Праге в январе 1985 г.

В 1978 г. Тейтельбойм претворил в жизнь инициативу РССЧ по созданию журнала «Araucaria de Chile» (араукария — это типично чилийская сосна). Он выходил сначала в Париже, а потом в Мадриде в течение 12 лет и стал одним из главных печатных органов, где обсуждались проблемы чилийской культуры и политики в изгнании. В нем сотрудничали самые видные представители интеллигенции.

На Володю, как он мне рассказывал, произвело впечатление выступление на пленуме ЦК РССЧ в Москве Гальварино Апабласы, чилийца, подготовленного в военном отношении на Кубе. Тот строевым шагом офицера подошел к президиуму, обратился за разрешением к генеральному секретарю Л.Корвалану и доложил об обучении на Кубе. Ведь это было результатом договоренности Тейтельбойма с Фиделем в 1974 г. Володя выступил на пленуме и среди прочего высказал соображение о том, что, учитывая изменения обстановки, настал момент осуществить операцию по возвращению чилийцев на родину.

И сам начал такую операцию. Склоняюсь к заключению, что это происходило дважды. Признаюсь, что не ожидал от него такой смелости. Сначала он нелегально въехал в Чили во второй половине 80-х годов. Знаю, что мы в этом не помогали. По-видимому, это стало возможным в результате усилий чилийских товарищей, сумевших изготовить необходимые документы. В тот раз он не занимался в стране подпольной политической деятельностью. Володя описал свое пребывание на родине в очерке «В запрещенной стране. Без разрешения Пиночета», поделившись впечатлениями о диктаторском режиме и об опасностях, грозивших ему в случае его обна-

ружения репрессивными органами. Второй и последний раз Тейтельбойм, опять же тайно и без нашей помощи, по моим прикидкам, пробрался на родину в 1987 г. (а не в 1988 г., как указывается в некоторых биографических справках о нем, например, на сайте «Википедии» и РСCh «Кто мы — биографии»). Дело в том, что Корвалан в своих воспоминаниях «О пережитом и отстаивавшемся в борьбе» приводит эпизод, имевший место в конце 1987 г. в Киско, поселке, где он тогда нелегально находился: в доме, в котором он жил, где состоялось заседание Политкомиссии ЦК с участием Тейтельбойма, полиция произвела обыск (в связи с захватом антипиночетовскими боевиками подполковника Карреньо). Как видим, Володя на этот раз включился в подпольную деятельность против режима хунты.

Друживший с Тейтельбоймом деятель соцпартии Чили Агилера справедливо замечал: «Когда все думали, что он в изгнании, он действовал в рядах компартии в подполье».

Легально Володя вернулся в Чили 27 сентября 1988 г., когда Пиночет ослабил свою хватку и пошел на определенную либерализацию режима. Володю встретили коллеги по Обществу писателей, отметив это событие в ресторане «Parra!» в центре Сантьяго. Тейтельбойм внес вклад в кампанию по голосованию «Нет» на состоявшемся вскоре и проигранном Пиночетом плебисците о продлении его правления и в избрание президентом в 1989 г. христианского демократа Патрисио Эйлвина.

С 1989 по 1994 г. Володя был Генеральным секретарем РСCh. А покинув этот пост, сосредоточился на литературной деятельности. Последующие годы были очень плодотворны для него. Он написал трехтомник интереснейших воспоминаний «Пока не забыто»: «Парень XX века», «Мужчина средневековья», «Жизнь сумма историй» и «Мечтатель века XXI», «Великая война Чили и другая, которой никогда не было», «Буду жить сам с собой», «Ночи на Радио» о своей работе на Московском иновещании в двух томах: «Голос, доносящийся издали» и «Путешествие сквозь время». В 2002 г. ему была присуждена Национальная премия по литературе.

Работая в нашем посольстве в Чили, я встречался с Володией на различных мероприятиях, всегда чувствуя его доброе расположение. В 2006 г. я поздравил Володю с 90-летием от имени знакомых ему по Москве «мечтателей века XXI».

Последние годы жизни Володи были омрачены тем, что в 2005 г. выяснилось, что Клаудио Тейтельбойм, которого он считал сыном, известный ученый-физик, лауреат Национальной премии по точным наукам, на самом деле сын крупного юриста Альваро Бунстера. Клаудио взял фамилию настоящего отца. Володя относился к нему по-отечески. В 1973 г. я познакомился с ним, когда по приглашению Володи он с женой приезжал в Москву. В 2008 г. Клаудио навестил Володю в больнице незадолго до его кончины 31 января, а потом заявил: «Я пришел увидеть человека, которого очень люблю и которого никогда не переставал любить».

Володя оставил по себе добрую память даже у не разделявших его идеологические и политические взгляды чилийских деятелей политики и культуры. «Он всегда искал консенсуса среди прогрессивных сил...был безусловным поклонником Советского Союза, пожалуй, несколько некритически оценивая его роль»²¹, — это слова сенатора-социалиста Рикардо Нуньеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ L.C o r v a l á n. Los Comunistas y la Democracia. Santiago, 2008, p. 29—31.
- ² Из статьи Эдварда Бурстина «От Гонсалеса Виделы до Альенде», опубликованной в журнале «Скепсис». — scepsis.ru/library/id_2783.html.
- ³ Elecciones parlamentarias de Chile de 1969. — es.wikipedia.org/wiki/elecciones_parlamentarias_de_chile_de_1969.
- ⁴ Elección presidencial de Chile de 1970. — es.wikipedia.org/wiki/eleccion_presidencial_de_chile_de_1970.
- ⁵ С.А л ь е н д е. История принадлежит нам. Речи и статьи. М., 1974, с. 21.
- ⁶ La vía chilena. Del Primer Mensaje del Presidente Allende ante el Congreso Pleno. 21 de mayo de 1971. Santiago de Chile, 1971, p. 5 .
- ⁷ L.C o r v a l á n. Op. cit., p. 83.
- ⁸ Латинская Америка в 70-е годы. — Bestreferat.Ru, февраль 2011 г.
- ⁹ Elecciones municipales de Chile 1971. — es.wikipedia.org/wiki/elecciones_municipales_de_chile_1971.
- ¹⁰ L.C o r v a l á n. Op.cit., p. 36 .
- ¹¹ A.S h i s h k i n. Чили: кому — история, кому — марксистские грабли. Политическая ситуация-2, стр. 2.
- ¹² Подробнее об этом смотри статью О.В.Ульяновой в книге «1912—2012. El siglo de los comunistas chilenos». Santiago, 2012, p. 405.
- ¹³ J.P i ñ e r a. La Revolución Laboral en Chile. Santiago, 1990, p. 33—34.
- ¹⁴ Ibid., p. 42.
- ¹⁵ Ibid., p. 129.
- ¹⁶ www.wikipedia.org/wiki/José_Piñera.
- ¹⁷ В дальнейшем изложении использовалась статья Х.Пиньеры «К богатству — через собственность», опубликованная в журнале «Россия в глобальной политике» № 1 за январь-февраль 2006 г.
- ¹⁸ Л.К о р в а л а н. Нас ждут новые битвы. Избранные статьи и речи. М., 1978, с. 25.
- ¹⁹ France nouvelle. Paris, 16-22.XI.1971, p. 21.
- ²⁰ Источником для изложения этого эпизода послужила беседа с ним в 2011 г. директора Института продвинутых исследований (IDEA) Университета Сантьяго-де-Чили О.В.Ульяновой.
- ²¹ www.emol.com/noticias/nacional/2008/01/31/290338/volodia-tei6telboim-un-muchacho-del-siglo-XX

Окончание следует